

## МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДИСТАНТНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТИРОВАНИЯ

© Ракитянский Н.М.

доктор психологических наук, профессор кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова,  
Россия, drkayros@yandex.ru

Дистантное психологическое портретирование является актуальным системным научно-практическим средством диагностирования, а также последующей интерпретации полученных данных о политике в целях не только прогнозирования его поведения и деятельности, но и проектирования конструктивного взаимодействия с ним. Методология психологического портретирования как рефлексия над научным и практическим опытом предполагает полноту осознания психологом своих профессиональных и личностных ресурсов, концептуальный и инструментальный потенциал. В первой части статьи обсуждается проблема соотношения позитивистской и качественной методологий в психологических исследованиях. Делается вывод о том, что профессионализм психолога-портретиста определяется его способностью осваивать сложное пространство между позитивизмом и феноменологизмом, между полюсами «количественной» и «качественной» методологии. Во втором разделе рассматривается проблема конструктивистской парадигмы, которая предполагает преимущественно качественную методологию в создании психологических портретов. В заключительном разделе речь идет о проблемах и методологическом потенциале дистантного психологического портретирования.

**Ключевые слова:** дистантный психологический портрет, позитивизм, операционализм, феноменология, количественные и качественные методологии, конструктивизм, методы измерения и интерпретации.

*Среди прочих странностей методологии есть и такая: никто не уполномочен выступать от ее имени, ибо каждый понимает ее по-своему.*

Марк Рац

*Все из того, что я осознаю, есть то, к чему я имею доступ.*

Дэниел К. Деннет

Политико-психологическое портретирование как методология являет собой базовую модель интеграции ключевых качеств личности с ее объективными антропологическими референциями и социальной историей. Наряду с этим портретирование является инструментом системной психологической интерпретации как методологии познания объекта изучения и воплощения ее результата в тексте портрета.

Актуализация методологического знания для решения проблем портретирования побуждает психологов к осмыслению проектирования своей деятельности, что является одной из центральных задач методологии. С учетом того, что мышление

человека представляет собой «невычислимый» процесс и сама деятельность его является «существенно неалгоритмическим поведением», разработка методологической стратегии требует сложного мышления, в ходе которого происходит непрерывный диалог между простым и сложным, оно «не редуцирует и не поляризует» (Морен, 2019). Сама стратегия познания осуществляется в условиях неопределенности, игры различного рода взаимодействий и актов обратной связи. В то же время отсутствие разработанной методологической модели портретирования приводит к беспомощной описательности и невозможности получить ожидаемый итог.

В наше время методология как познавательная метадеятельность направлена на самоорганизацию и само-реорганизацию творческого процесса для достижения теоретического и эмпирического результата. Вместе с тем валидная методология есть еще экономия времени усилий благодаря следованию принципу У. Оккама — «тщетно с большим делать то, что можно сделать с меньшим».

В современном мире с его непримиримым

противостоянием идеологий, конфликтом ценностей и острыми столкновениями политических принципов насущной методологической задачей является верификация полученного знания. Это весьма сложная проблема, но, поскольку социогуманитарная мысль по своей природе диалогична и логика диалога укоренена в культурно-историческом контексте науки, то она в какой-то мере может заменять эксперимент по причине отсутствия условий для его проведения (Рубанов, 2022). Безусловно, исследователю, наделенному этической и системной рефлексией, приходится воздерживаться от пристрастий и предвзятости, стремиться видеть факты такими, какие они есть.

Осмысление известных и разработка новых методологий построения психологического портрета необходимы не только для консолидации традиционных и новаторских подходов, но и для решения прагматических задач портретирования. Если же методологию рассматривать как рефлексию над научным и практическим опытом, то мы можем считать, что перспективными задачами научной деятельности психологов являются уточнение и развитие понятийного аппарата портретологических исследований. Не обойтись без анализа и уяснения теоретических и прикладных методов, а также систематизации концептуализации опыта построения портретов. В этой связи весьма актуальным является рассмотрение сущности качественных исследований и конструктивистской парадигмы, их роли и места в решении конкретных задач портретирования в методологическом пространстве современной политической психологии и политологии.

### Методология качественных исследований в психологии

В психологических исследованиях послевоенного времени широко использовались математические, статистические, эмпирические и формально-логические методы, которые в своей совокупности составляли систему позитивистской парадигмы как ядра «легитимной науки» (Нейрат и др., 2005). Собственно, сам позитивизм как основа методологии психологических разработок считался естественным продолжением эмпирической традиции, утвердившейся со времен Ф. Бекона (1561-1626), Г. Галилея (1564-1642), П. Лапласа (1749-1827), О. Конта (1798-1857) и «отца психометрии» Ф. Гальтона (1822-1911), когда исчислимость и количества были ведущими принципами исследования (Челпанов, 2014).

К примеру сказать Г. Айзенк полагал, что на-

учные знания начинаются тогда, когда мы имеем возможность измерять то, о чем говорим, и выражать это в цифрах (Marks, 2019). Позитивизм, подчинивший науку своему влиянию в течение XIX и XX вв. и в значительной степени сохраняющий это влияние до настоящего времени демонстрировал отношение к человеку скорее как к объекту, чем к субъекту. Позитивистская идеология, по мнению канадского психолога А. Басса, была элитарной, консервативной и тоталитарной (Buss, 1975).

Вместе с тем, уже 70-е годы прошлого века отмечены принципиально важным методологическим переходом от научного поиска, присущего естественным дисциплинам, к изучению феномена человека посредством качественных методов. Психологов уже не могли удовлетворять оптимистические установки позитивизма, когда за достоверный результат исследований принималось только то, что измерено, количественно выражено, экспериментально верифицировано, операционализировано и однозначно сформулировано (Рощин, 1980). Профессор Ягеллонского университета Б. Крауз-Мозер не без оснований утверждает, что одним из самых существенных ограничений позитивистской модели является ее беспомощность перед нормальным человеческим поведением. Это требует от исследователя более понимания, нежели толкования в аналитическо-эмпирическом смысле (Крауз-Мозер, 2008).

Позитивистская парадигма как нормативная модель не предполагала использование философских, априорных и, тем более, теологических принципов и методологий, которые якобы блокируют получение объективного знания и, как тогда считалось, противоречат принятым критериям научности. При этом игнорировался тот факт, что научные школы исторически гораздо моложе и концептуально проще, чем философские и теологические учения, которые определили устройство и развитие мировых культурно-цивилизационных систем. Более того, исключались пласты тысячелетий теологических традиций и опыта, которые признавались заведомо лишеными какого-либо познавательного значения. Не могло быть и речи о возможности использования «метафизических» концептов, к которым в первую очередь относили понятия и принципы философской и религиозной онтологии. Кроме того, позитивисты вряд ли осознавали, что их подход также наполнен догматами и не меньше, чем любая религиозная доктрина (Лосев, 2008).

Давление этих и иных обстоятельств, потреб-

ность в развитии объяснительного потенциала психологии путем использования качественных методов, опирающихся на неизмеряемые, но понимаемые и интерпретируемые содержание, готовило новые методологические прорывы. В этот период в отечественную психологию приходит осознание того, что, как ни велика роль позитивизма, он не может раскрыть сущность человека со всем богатством его внутреннего мира, а также его интеллектуальный, духовный, социальный и политический опыт. Со временем это привело к расширению понятийно-категориального потенциала психологических исследований, включению в их методологический аппарат философских, религиозно-догматических, этнографических, политологических и других аспектов исследований. Этот процесс сопровождался ростом количества соответствующей методологической и концептуальной литературы (Аллахвердов, 2005; Бусыгина, 2017; Василюк, 2003; Петренко, 2002; Ракитянский, Колесниченко, 2014; Улановский, 2006; Peters, Fontaine, 2020).

Прообразы качественных исследований известны со времен Геродота Галикарнасского (около 484 г. — около 425 г. до Р.Х.). В эпоху Просвещения И. Кант (1724-1804) и Г. Гегель (1770-1831) развивая методологию науки, рассматривали закономерности и феномены самого мышления: восхождение от конкретного к абстрактному, об отношении в сознании между непосредственностью и опосредствованием, вопросы взаимосвязи образов, представлений и понятий в мышлении и другие проблемы. Они формировали научно-философский базис качественных исследований. Но процесс их научной легитимации начинался только в конце XIX — начале XX в. В частности, результаты первых качественных политико-психологических исследований в России представлены трудами Н.К. Михайловского, П.И. Ковалевского, В.К. Случевского, В.Ф. Чиж и Л.Н. Войтоловского. В европейской политической психологии работами С. Сигеле, И. Тэна, Э. Бутми, В. Вундта, Г. Тарда, О. Кабанеса и Л. Насса, а также других авторов того времени. Однако признание в социальных и гуманитарных дисциплинах качественная методология получила примерно в 1970-х годах (Ракитянский, 2022).

В пространстве современной науки качественные и количественные методологии сосуществуют как полярные научные традиции или «мировоззрения», опирающиеся на различные постулаты о природе объекта изучения. Они по-своему трактуют отношения между исследователем и исследуемым. При этом качественные методологии яв-

ляются предметом критики со стороны философских подходов, берущих начало от позитивизма и операционализма. Позитивисты считают, что лишь метод, моделируемый по образцу естественных наук, является наиболее адекватным способом приращения нового знания. Операционалисты используют количественные данные, эксперимент, проверку дедуктивной теории. Они опираются на постулат о существующей независимо от наблюдателя объективной реальности.

Качественные исследования представляют собой дискуссионное пространство критического анализа экспериментальных, корреляционных, статистических и опросных стратегий в сфере гуманитарных наук. Качественный подход стал своеобразным «домом» для представителей различных наук и направлений, которые объединяет общее неприятие догматического сциентизма, эмпиризма, фундаменталистской эпистемологии, инструменталистских объяснений и квантификации.

Справедливости ради отметим, что основные сложности, связанные с качественными подходами, заключаются в очевидном дефиците систематической строгости, неупорядоченности структурных построений, проблемах концептуализации и достижения сопоставимости данных, а также в контроле надежности результатов. Полемика по поводу качественных подходов в области современных психологических методов изучения личности еще далека от завершения.

Вместе с тем, современные методологические исследования свидетельствуют о невозможности четкого разграничения количественных и качественных подходов в психологии. В реальной практике эти модели не являются диаметрально противоположными и, тем более, взаимоисключающими, а скорее дополняют друг друга. Даже самые точные методы измерений в психологии подразумевают качественную интерпретацию как методологию понимания. Качественные методы все больше включают в себя оперирование с числовыми величинами. Есть методы, в которых качественная и количественная стороны неразрывно связаны, например, в контент-анализе.

В предметной деятельности психологов не только количественные методы подтверждают неоспоримость качественных методов, но и наоборот. Так, Д. Кэмпбелл, известный своими работами в области методологии, указывал на то, что количественные результаты могут быть столь же мало застрахованы от ошибок, сколь и качественные. Поэтому он рекомендовал оба подхода как взаимно дополняющие средства перекрестной валиди-



зации. Неадекватность количественных данных, по его словам, часто обнаруживается лишь благодаря качественному знанию (Кэмпбелл, 1980).

Таким образом, в условиях нынешней полипарадигмальности научного знания, при серьезных противоречиях между качественным и количественным подходами они дополняют друг друга. В конечном счете, психолог, профессионально занимающийся портретированием, имеет возможность искать свой путь между необходимостью получения объективных показателей постижением уникальной индивидуальности в лице конкретного человека, осуществляющего власть (Юрьев, 1992). Ему приходится осваивать сложное пространство между позитивизмом и феноменологизмом, между полюсами «количественной» и «качественной» методологии. Образно говоря, каждый исследователь, ищет узкий фарватер научной истины между Сциллой — чудовищем «только метода» и Харибдой — пугалом «отсутствия метода», стремится сочетать измерительные и интерпретационные методы.

### **Конструктивистская парадигма в психологии портретирования**

*Впервые не из Франции, а из России прилетело  
новое слово искусства — конструктивизм.*  
Владимир Маяковский

*Если что-то и управляет нашими мыслями и  
действиями, так это созданная нами  
структура.*  
Джордж А. Келли

Современные качественные исследования развиваются в русле конструктивистской парадигмы — междисциплинарного направления, сложившегося на стыке гуманитарных наук, естествознания и кибернетики. Это подход, согласно которому всякая познавательная деятельность является конструированием (Келли, 2004).

Термин «конструктивизм», содержание которого восходит к трудам И. Канта, стал впоследствии применяться для обозначения теоретических и методологических установок в гуманитарных науках при построении «картины мира». Познающий субъект в кантианской философии впервые становится законодателем, где мир выступает проекцией его творчества. Этот постулат гносеологии философа является важным идейным достоянием конструктивизма — познание есть активный

процесс конструктивной деятельности субъекта. В XIX в. уже Герман фон Гельмгольц в исследованиях восприятия заложил основы конструктивистского подхода, активная разработка которого относится к начальным этапам становления когнитивной психологии (Гельмгольц, 2011). В общем плане идея конструктивизма изначально состояла в том, что любое представление человека о действительности не столько соответствует реальному миру, сколько является конструкцией того, кто эту действительность обнаруживает и изучает.

Конструктивистский подход к познанию предполагает, что субъект использует потенциал своей когнитивной системы для создания релевантной модели среды, в которой ему предстоит действовать в ходе решения встающих перед ним проблем и задач. Знание, по мнению профессора Эрнста фон Глазерсфельда, не обретается пассивным образом, оно активно конструируется познающим субъектом (Глазерсфельд, 2001). Иначе говоря, исследователь не только анализирует познаваемую им реальность, но и создает ее как может по своему произволу. Согласно методологическому принципу конструктивизма в психологии знания не извлекаются непосредственно из «объективной действительности», а строятся — конструируются познающим субъектом в виде всякого рода моделей (Петренко, Супрун, 2017).

Современные отечественные психологи опираются на классические труды Л.С. Выготского, который не без оснований считается одним из родоначальников конструктивизма наряду с его современником Ж. Пиаже (Выготский, 1982; Пиаже, 1983). Идеи Л.С. Выготского активно используются сегодня не только в психологии, но и в различных направлениях конструктивистской ориентации. Нельзя также не вспомнить о концепции А.Н. Леонтьева о построении в сознании человека образа многомерного мира, в котором мы живем и действуем (Леонтьев, 1979).

В настоящее время большинство методологических подходов в психологии, при том, что они существенно отличаются друг от друга, опираются на ресурс качественной методологии и выполняют исследования в русле конструктивистской парадигмы (Тульчинский, 2017).

Российские исследователи, работающие в жанре психологического портрета, располагают теоретическим и методологическим ресурсом конструктивистской модели, который сосредоточен в трудах К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, В.М. Аллаhverдова, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, В.Ф. Петренко, В.А. Петровского, С.Л. Ру-

бинштейна, Л.Н. Собчик, В.И. Слободчикова, А.М. Улановского, А.А. Ухтомского, Г.И. Челпанова, А.И. Юрьева и многих других отечественных и западных авторов как в психологии, так и в смежных областях науки.

Из арсенала разнообразных методологий психолог-портретист имеет возможность сам определять, существует ли ресурс, имеющий отношение к исследуемой реальности, и если да, то какой. Он может самсудить, какие методологии будут избраны им для решения задач психологического портретирования личности.

### **Проблемы и методологический потенциал дистантного психологического портретирования**

*Мировоззрение всегда стоит своегоносителя, точно так же как картина запечатлевает лишь то, что и как умел видеть художник.*

Академик А.А. Ухтомский

*Структура есть онтологическое свойство объекта.*

З.Я. Тураева

Научная деятельность по выявлению возможностей дистантного изучения личности политических деятелей проводилась на кафедре политической психологии СПбГУ в 90-е годы XX в. и была продолжена на одноименной кафедре уже философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в 2000 год ее создания. При этом учитывалось то обстоятельство, что в начале XXI в. складывалась новая отрасль трансдисциплинарных исследований — портретология как теория, методология и практика построения психологического портрета, релевантного изучаемой личности.

Важным было понимание того, что в любой стране, и в России особенно, значимые политические явления, по существу, зависимы от психологического статуса правителя. Именно поэтому портретирование, в первую очередь дистантное, было и остается весьма актуальным системным научно-практическим инструментом диагностики, а также последующей интерпретации полученных данных о политике в целях не только прогнозирования его поведения и деятельности, но и проектирования конструктивного взаимодействия с ним (Ракитянский, 1995, 1999, 2001, 2003, 2004, 2008).

Научно-практический опыт дистантного пси-

хологического портретирования, зародившийся и получивший развитие в недрах спецслужб, со временем стал востребованным не только в государственных, но и различных частных структурах (Murray H. A., 1943). Вместе с тем дилетантизм, низкий уровень откровенно спекулятивных методологий, а также языков и форм дистантного диагностирования, приводят к появлению психологических портретов весьма сомнительного качества. До настоящего времени результативные психологические методы, а также протоколы их использования для осуществления дистантного распознавания, являются еще довольно закрытыми, эксклюзивными и дорогостоящими. Это объясняется не только малочисленностью специалистов, но и определенными препятствиями при воспроизводстве необходимых знаний и опыта.

Вопрос исследования личности политического деятеля — одна из наиболее сложных проблем в политической психологии, что обусловлено множественной детерминацией, идеологизированностью оценок личностей политиков, мифологизацией, а иногда и мистификацией их деятельности. Эта проблема усугубляется практикой использования в политической жизни страны различных средств и методов манипулирования общественным сознанием.

Трудность еще и в том, что личность политика в реальной жизни — практически недоступный объект для непосредственного, инструментального психологического изучения. Политики не любят и опасаются психологической диагностики, не желают, чтобы их обследовали. Более того, многие из них боятся объективного взгляда на себя. Они не заинтересованы в том, чтобы информация об их психологическом статусе и личностных особенностях, о сильных и слабых сторонах, стала достоянием других. При этом они правы, полагая, что эта информация может быть использована им во вред. Именно поэтому построение психологического портрета политика, распознавание его реального образа осуществляется в большинстве случаев заочно, опосредованно, методами дистантной диагностики — *at-a-distance assessment*.

В научном аспекте психологическое портретирование как в отечественной, так и в западной культуре имеет свои специфические теоретико-методологические традиции формирования и свои тенденции развития как инструмент целостного отображения аутентичных психологических свойств и качеств личности политического деятеля. Говоря о методологии психологического портретирования политиков, понимаемой как исследо-

вательская стратегия, важно учитывать, что такой интегральной методологии нет ни на Западе, ни у нас. Все это происходит на фоне того, что в психологии, как, впрочем, и во всех науках о человеке, до сих пор отсутствует единая непротиворечивая теория личности.

Таким образом, в арсенале реальной практики портретирования представлен широкий набор методологий и методов, в которых весьма сложно разобраться и, тем более оценить их прагматическую эффективность и релевантность. Тем не менее, исторически сложившееся разнообразие отечественных и зарубежных психологических теорий позволяет психологам по своему усмотрению в той или иной мере довольно эффективно использовать их концептуальный арсенал для своих целей. Решение задач психологического портретирования потенциально содержится в известных психологических теориях личности, составляющих научный фундамент политической психологии.

В разнообразии теорий личности психолог имеет возможность определить, какие из них целесообразно применять в портретировании реального политического деятеля. Квалифицированный аналитик способен решать, какие основания конкретной теории будут им выбраны для построения психологического портрета. Или из сопряжения каких теоретических моделей он будет конструировать свою собственную, авторскую модель — в таком контексте мы можем говорить не только о возможности, но и целесообразности моделирования методологической модели портретирования.

Методология построения психологического портрета определяется исходя из целей и задач портретирования. Исследователь по своему усмотрению формирует иерархическую структуру ключевых психологических качеств, необходимых и достаточных для построения психологического портрета политического деятеля в соответствии с поставленной задачей, и в этом смысле построение психологического портрета мы можем рассматривать как инвариантное моделирование.

Здесь представляется уместным отметить, что идеографические и номотетические концепции личности, повсеместно используемые в портретировании, генетически связаны соответственно с подходом на основе выделения черт личности и типологическим подходом. Идеографические исследования нацелены на изучение уникальных, неповторимых свойств, которые из-за своей исключительности в принципе не могут быть описаны посредством тех или иных закономерностей.

Номотетические — изучают общее, повторяемое и типичное в различных явлениях (Грачев, 2021).

В политической психологии идеографический подход предполагает составление психологического профиля конкретного политического деятеля. Профиль формируется в результате выявления данных, характеризующих личность по конкретному набору независимых шкал. Эти шкалы соответствуют определенному диапазону психологических переменных, выбранных для реализации сформулированных исследовательских задач.

Номотетический подход нашел свое выражение в психологических портретах, наиболее полно воплотивших принципы и традиции психобиографии. Цель психобиографии, как ее видят современные политические психологи — выявить значимые структуры, отражающие когнитивные, аффективные и поведенческие качества личности политического деятеля.

Зачастую в конкретных психологических исследованиях реализуется какой-либо один подход: на базе черт или типологический (Егорова, 1988). Одним из прагматических вариантов интегративной модели, довольно успешно объединившей эти два подхода, является методология case-studies (Ракитянский, 2011).

Свою профессиональную рефлексия и методологическую волю психолог реализует в системе методов дистантного портретирования. Как бы то ни было, но метод наблюдения везде и всюду лежит в ее основе. Использование наблюдения в отличие от других методов этой категории — психобиографии, экспертных оценок, опроса респондентов, контент-анализа, психолингвистического анализа, операционального кодирования, анализа речевого поведения, результатов деятельности и др. — не только возможно в любых исследованиях и обстоятельствах, но и неизбежно (Ракитянский, 2004). Практически все психологи в осуществлении своей деятельности, так или иначе, ведут непосредственное наблюдение.

В последние годы квалифицированные исследователи организуют наблюдение особым образом и применяют его в варианте так называемой безбланковой диагностики. При такой организации наблюдения психолог работает с базовыми структурами и параметрами различных моделей личности, например, таких, как 16 PF, MMPI и др., но добывает эмпирический материал без бланков для тестирования, используя собственно наблюдение, экспертные оценки и другие доступные процедуры (Свешникова, 1999).

При безбланковом диагностировании предме-



том наблюдения выступают видимые предикторы поведения и деятельности, которые вплетены в структуру внутреннего пространства личности политика и являются внешней формой проявления его внутреннего мира. Это перспективная практика еще не имеет широкого применения. Ее преимущество состоит в том, что она позволяет наблюдать, выявлять и трактовать живые психологические проявления конкретных людей, опираясь на те или иные структуры личности как на констелляцию базовых свойств изучаемого объекта.

Владение безбланковой диагностикой трудно представить без квалифицированного знания моделей личности и их структур. При таком типе наблюдения структурный подход — это не только специально организованный способ восприятия, идентификации, кодирования, дифференциации, обобщения и систематизации разноплановой информации об объекте изучения, но также инструмент дистантного безбланкового диагностирования. Именно поэтому дистантное распознавание предполагает выработку навыков выявления и квалифицированного анализа личностных структур с их последующей интеграцией в психологическом портрете. И здесь мы сталкиваемся не только с проблемой профессионализма психолога-портретиста как фундаментальным основанием его продуктивной деятельности, но и с требованием достижения необходимой и до-

статочной достоверности полученного результата. Нами были разработаны методологии преодоления этого ограничения в варианте трех направлений достижения релевантности психологического портрета изучаемому человеку. Это методология оценки субъекта психологического диагностирования, методология соотнесения психологического портрета и личности изучаемого политика и методология валидации дистантного психологического диагностирования. Эти методологические подходы представляется возможным и необходимым использовать при осуществлении дистантного психологического портретирования.

### Заключение

В практике политико-психологического анализа дистантное психологическое портретирование используется в качестве инструмента системной психологической интерпретации полученных данных о конкретном политике как дифференцированной и организованной целостности. Методология дистантного психологического портретирования является весьма актуальным системным научно-практическим средством диагностирования, а также последующей интерпретации полученных данных о политике в целях не только прогнозирования его поведения и деятельности, но и проектирования конструктивного взаимодействия с ним.

### Литература:

1. Аллахвердов В.М. Блеск и нищета эмпирической психологии (на пути к методологическому манифесту петербургских психологов) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 1. С. 44-65.
2. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: МГППУ, Смысл, 2003.
3. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. Том 1. М.: Педагогика, 1982. С. 292-436;
4. Гельмгольц Г. О зрении человека. Новейшие успехи в теории зрения. М.: Либроком, 2011.
5. Глазерсфельд Э. фон. Введение в радикальный конструктивизм // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2001. № 4. С. 59-81.
6. Грачев Г.В. Основы социально-психологической портретистики личности и социальных групп. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2021.
7. Егорова Е.В. Психологические методики исследования личности политических лидеров капиталистических государств. М., 1988.
8. Келли Дж.А. Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб.: Речь, 2004.
9. Крауз-Мозер Б. Теории политики. Методологические принципы. Х.: Изд-во Гуманитарный Центр, 2008. С. 71.
10. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. Пер. с англ. М.: Прогресс, 1980.
11. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3-13.
12. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Академический проект, 2008.
13. Морен Э. О сложности. М.: Институт общегуманитарных исследований. 2019.

14. Нейрат О., Ган Г., Карнап Р. Научное миропонимание — Венский кружок // Логос. 2005. № 2(47). С. 19.
15. Петренко В.Ф. Конструктивистская парадигма в психологической науке // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 3. С. 113-121.
16. Петренко В.Ф., Супрун А.П. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики. 2-е изд., доп. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
17. Пиаже Ж. Схемы действия и усвоение языка // Семиотика. Под ред. Ю.С. Степанова. М., 1983.
18. Ракитянский Н.М. Личность политика: теория и методология психологического портретирования. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Московского университета, 2011.
19. Ракитянский Н.М. Метод полстроения психологического портрета политика: место, роль и значение в деятельности политических субъектов // Информационно-психологическая безопасность избирательных кампаний / Под ред. А.В. Брушлинского и В.Е. Лепского. М.: Ин-т психологии РАН, 1999. С. 56-58.
20. Ракитянский Н.М. О политико-психологическом портретировании // Вестник политической психологии. 2003. № 1(4). С. 18-23.
21. Ракитянский Н.М. Портретология власти: Теория и методология психологического портретирования личности политика. М.: Наука, 2004.
22. Ракитянский Н.М. Проблема психодиагностики политических лидеров // Общественные науки и современность. 1995. № 6. С. 108-116.
23. Ракитянский Н.М. Психологическое портретирование в политологической практике. М.: Интерпресс, 2008.
24. Ракитянский Н.М. Семнадцать мгновений демократии. Лидеры России глазами политического психолога. М.: Стольный град, 2001.
25. Ракитянский Н.М. Становление основных этапов политической психологии: обзор основных этапов // Вестник Моск. ун-та. Серия 12. 2022. № 6. С. 98-125.
26. Ракитянский Н.М., Колесниченко Ю.В. Потенциал русской философско-психологической школы и методология портретирования личности политика // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. 2014. № 6. С. 7-30.
27. Рошин С.К. Западная психология как инструмент идеологии и политики. М.: Наука. 1980.
28. Рубанов В.А. Вижу смысл. Метафизика смыслов. Том 1. М.: Арго-Книга, 2022.
29. Свешникова Н.О. Как психологи наблюдают состояния политиков // Парламент как субъект и объект изменений. Психология парламентаризма / Под ред. А.И. Юрьева. СПб., 1999. С. 133-135.
30. Тульчинский Г.Л. Объяснение в политической науке: конструктивизм vs позитивизм // Публичная политика. 2017. Т. 1. С. 76-98.
31. Улановский А.М. Качественная методология и конструктивистская ориентация в психологии // Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 27-37.
32. Челпанов Г.И. Введение в философию. Т. 1. Сочинения: в 4 т. Киев: НПУ; Мелитополь: МГПУ им. Б. Хмельницкого, 2014.
33. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та. 1992.
34. Buss A.R. The Emerging Field of the Sociology of Psychological Knowledge // American Psychologist. 1975. Vol. 30. № 10. Pp. 988-1002.
35. Jackson P. Th. Bridging the Gap: Towards a Realist-Constructivist Dialogue // International Studies Review. 2004. Vol. 6(2). Pp. 337. [https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419\\_1.x](https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_1.x)
36. Marks D.F. The Hans Eysenck affair: Time to correct the scientific record // Journal of Health Psychological. 2019. № 24(4). Pp. 409-420. doi: 10.1177/1359105318820931.
37. Murray H. A. Analysis of The Personality of Adolph Hitler. With Predictions of His Future Behavior and Suggestions for Dealing With Him Now and After Germany's Surrender // from Donovan Nuremberg Trails Collection, Cornell University Law Library, Harvard Psychological Clinic. October, 1943. <https://dn790004.ca.archive.org/0/items/AnalysisThePersonalityofAdolphHitler/AnalysisofThePersonalityofAdolphHitler.pdf>
38. Peters B.G., Fontaine G. Handbook of Research Methods and Applications in Comparative Policy Analysis. UK.: Edward Elgar Publishing, 2020.



## METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF DISTANT PSYCHOLOGICAL PORTRAIT

© **Nikolay M. Rakityanskiy**

Doctor of Psychology, Professor of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Russia,  
drkayros@yandex.ru

Remote psychological portraiture is a relevant systemic scientific and practical means of diagnostics, as well as subsequent interpretation of the obtained data on a politician in order not only to predict his behavior and activities, but also to design constructive interaction with him. The methodology of psychological portraiture as a reflection on scientific and practical experience presupposes the psychologist's full awareness of his professional and personal resources, conceptual and instrumental potential. The first part of the article discusses the problem of the relationship between positivistic and qualitative methodologies in psychological research. It is concluded that the professionalism of a portrait psychologist is determined by his ability to master the complex space between positivism and phenomenology, between the poles of "quantitative" and "qualitative" methodology. The second section considers the problem of the constructivist paradigm, which presupposes a predominantly qualitative methodology in creating psychological portraits. The final section discusses the problems and methodological potential of remote psychological portraiture.

**Key words:** distant psychological portraiture, positivism, operationalism, phenomenology, quantitative and qualitative methodologies, constructivism, measurement and interpretation methods.

### REFERENCE

1. Allakhverdov V.M. (2005). The Splendor and Poverty of Empirical Psychology (Towards a Methodological Manifesto of St. Petersburg Psychologists) // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. Vol. 2. № 1. Pp. 44-65.
2. Vasilyuk F.E. (2003). Methodological Analysis in Psychology. Moscow: MGPPU, Smysl.
3. Vygotsky L.S. (1982). Historical Meaning of the Psychological Crisis // Collected Works: In 6 Volumes. Vol. 1. Moscow: Pedagogy. Pp. 292-436;
4. Helmholtz G. (2011). On Human Vision. Recent Advances in Vision Theory. Moscow: Librokom.
5. Glazersfeld E. von. (2001). Introduction to Radical Constructivism // Bulletin of Moscow State University. Series 7. Philosophy. № 4. Pp. 59-81.
6. Grachev G.V. (2021). Fundamentals of Socio-Psychological Portraiture of Personality and Social Groups. Saratov: Saratov University Publishing House.
7. Egorova E.V. (1988). Psychological Methods for Studying the Personality of Political Leaders of Capitalist States. Moscow.
8. Kelly J.A. (2004). Personality Theory. Psychology of Personality Constructs. St. Petersburg: Rech.
9. Kraus-Moser B. (2008). Theories of Politics. Methodological Principles. Kh.: Humanitarian Center Publishing House. Pp. 71.
10. Campbell D. (1980). Models of Experiments in Social Psychology and Applied Research. Translated from English. Moscow: Progress.
11. Leontiev A.N. (1979). Psychology of Image // Bulletin of Moscow State University. Ser. 14. Psychology. № 2. Pp. 3-13.
12. Losev A.F. (2008). Dialectics of Myth. Moscow: Academic Project.
13. Moren E. (2019). On Complexity. Moscow: Institute for General Humanitarian Research.
14. Neurath O., Hahn G., Carnap R. (2005). Scientific Worldview — The Vienna Circle // Logos. № 2(47). Pp. 19.
15. Petrenko V.F. (2002). Constructivist Paradigm in Psychological Science // Psychological Journal. Vol. 23. № 3. Pp. 113-121.
16. Petrenko V.F., Suprun A.P. (2017). Methodological Intersections of Psychosemantics of Consciousness and Quantum Physics. 2nd ed., suppl. Moscow; SPb.: Nestor-Istoriya.
17. Piaget J. (1983). Action schemes and language acquisition // Semiotics. Ed. Yu. S. Stepanov. Moscow.

18. Rakityansky N.M. (2011). *Personality of a politician: Theory and methodology of psychological portraiture*. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Moscow University Publishing House.
19. Rakityansky N.M. (1999). Method of constructing a psychological portrait of a politician: place, role and significance in the activities of political subjects // *Information and psychological security of election campaigns* / Ed. A. V. Brushlinsky and V.E. Lepsky. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. Pp. 56-58.
20. Rakityansky N.M. (2003). On political and psychological portraiture // *Bulletin of political psychology*. № 1(4). Pp. 18-23.
21. Rakityansky N.M. (2004). *Portraitology of Power: Theory and Methodology of Psychological Portraiture of a Politician's Personality*. Moscow: Nauka.
22. Rakityansky N.M. (1995). The Problem of Psychodiagnostics of Political Leaders // *Social Sciences and Modernity*. № 6. Pp. 108-116.
23. Rakityansky N.M. (2008). *Psychological Portraiture in Political Science Practice*. Moscow: Interpress.
24. Rakityansky N.M. (2001). *Seventeen Moments of Democracy. Leaders of Russia through the Eyes of a Political Psychologist*. Moscow: Stolny Grad.
25. Rakityansky N.M. (2022). Formation of the Main Stages of Political Psychology: An Overview of the Main Stages // *Bulletin of the Moscow University. Series 12*. № 6. Pp. 98-125.
26. Rakityansky N.M., Kolesnichenko Yu.V. (2014). Potential of the Russian philosophical and psychological school and methodology of portraying a politician's personality // *Bulletin of Moscow University. Series 12*. № 6. Pp. 7-30.
27. Roshchin S.K. (1980). *Western psychology as a tool of ideology and politics*. Moscow: Nauka.
28. Rubanov V.A. (2022). *I see the meaning. Metaphysics of meanings. Volume 1*. Moscow: Argo-Kniga.
29. Sveshnikova N.O. (1999). How psychologists observe the states of politicians // *Parliament as a subject and object of change. Psychology of parliamentarism* / Ed. A.I. Yuryev. St. Petersburg. Pp. 133-135.
30. Tulchinsky G.L. (2017). Explanation in political science: constructivism vs. positivism // *Public policy*. Vol. 1. Pp. 76-98.
31. Ulanovsky A.M. (2006). Qualitative methodology and constructivist orientation in psychology // *Questions of psychology*. № 3. Pp. 27-37.
32. Chelpanov G.I. (2014). *Introduction to philosophy. Vol. 1. Works: in 4 volumes*. Kyiv: NPU; Melitopol: Moscow State Pedagogical University named after B. Khmel'nitsky.
33. Yuryev A.I. (1992). *Introduction to political psychology*. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University.
34. Buss A.R. (1975). The Emerging Field of the Sociology of Psychological Knowledge // *American Psychologist*. Vol. 30. № 10. Pp. 988-1002.
35. Jackson P. Th. (2004). Bridging the Gap: Towards a Realist-Constructivist Dialogue // *International Studies Review*. Vol. 6(2). Pp. 337. [https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419\\_1.x](https://doi.org/10.1111/j.1521-9488.2004.419_1.x)
36. Marks D.F. (2019). The Hans Eysenck affair: Time to correct the scientific record // *Journal of Health Psychological*. № 24(4). Pp. 409-420. doi: 10.1177/1359105318820931.
37. Murray H.A. (1943). *Analysis of The Personality of Adolph Hitler. With Predictions of His Future Behavior and Suggestions for Dealing With Him Now and After Germany's Surrender* // from Donovan Nuremberg Trails Collection, Cornell University Law Library, Harvard Psychological Clinic. October, 1943. <https://dn790004.ca.archive.org/0/items/AnalysisThePersonalityofAdolphHitler/AnalysisofThePersonalityofAdolphHitler.pdf>
38. Peters B.G., Fontaine G. (2020). *Handbook of Research Methods and Applications in Comparative Policy Analysis*. UK.: Edward Elgar Publishing.